

наши публикации

Олег МАСЛОВ

Литературные встречи

*Из воспоминаний***ОНИ БЫЛИ ДРУЗЬЯМИ**

Лето 1988 года мы провели всей семьей на Рижском взморье в Юрмале, в доме творчества писателей Дуболты. Народ там собрался солидный. В главном зале часто прогуливался с большой сигарой Александр Чаковский, автор «Блокады» и главный редактор «Литературной газеты». Под руку с крепкой женщиной средних лет ежедневно гулял Вениамин Каверин, он постоянно ей что-то говорил, а она внимательно слушала. Временами появлялись на людях Евгений Долматовский, Петр Проскурин.

Через неделю после нашего приезда раздался телефонный звонок:

— Это Олег Маслов? С вами говорит известный вам секретарь Воронежской писательской организации. Есть идея — устроить встречу провинциальных поэтов с читателями, и я предлагаю вам принять в ней участие в качестве выступающего.

— Да вы что! Вы представляете, кто будут эти читатели, перед кем придется выступать?

— Классиков будет мало, а остальным мы покажем, что литература делается не только в столице. Группа собирается приличная, я вас включаю. Как вы думаете, кого пригласить вести эту встречу? Может, Проскурина?

— Ну зачем же приглашать прозаика, когда есть Долматовский...

— Хорошо, пусть так и будет. Я вам сообщу где и когда.

Я мучительно пытался вспомнить, как и откуда мог я знать звонившего, а когда через несколько дней встретились перед выступлением, все прояснилось. Он до этого по телефону разговаривал не со мной, а с моим тезкой Олегом Масловым из Самары, с которым был лично знаком (кстати, и я позже познакомился с Олегом в Пицунде). Но менять что-либо было уже поздно, и выступление мое состоялось.

Я напомнил присутствующим, где находится Дальний Восток, назвал имена любимых земляков-литераторов, прочитал несколько стихотворений, получил сдержанное одобрение председателя и зала и спокойно удалился.

А через день ко мне подошел человек, седой, в летней рубашке, джинсовых брюках, с очень знакомым лицом и, улыбаясь, сказал:

— Давайте знакомиться — Задорнов.

В первое мгновение мне захотелось крикнуть «не может быть!». И в самом деле, когда я в детстве читал «Амур-батюшку», разве мог себе представить, что когда-нибудь вот так запросто встречу с автором и пожму руку, написавшую этот

знаменитый роман. Да к тому же в моем сознании автор книги невольно ассоциировался с ее персонажами, которые жили сто лет тому назад.

Так состоялось наше знакомство. Случилось это потому, что на творческой встрече в зале находилась замечательная женщина, московский редактор писателя Зоя Владимировна Одинцова, к которой он, живя в Риге, часто приезжал. Она-то и показала меня Задорнову, сказав, что я хорошо о нем говорил.

Разумеется, я пригласил его к себе, но он отказался, сказав, что вскорости меня найдет. И, действительно, через несколько дней позвонил и пригласил в комнату Одинцовой. Там состоялся наш ознакомительный разговор.

Первое, о чем спросил Николай Павлович, знаю ли я деревню Заган Свободненского района. Я о таковой не слышал. Тогда он рассказал, что это была единственная в Приамурье деревня, где никто не пил и не ругался матом — там жили староверы (позже я узнал, что сейчас все уже не так). Потом он рассказал о себе. Родился в 1909 году в Чите, в 1927-м был актером одного из театров Благовещенска, а затем переехал в Комсомольск-на-Амуре, где стал заведующим литературной частью местного театра. Там и начались его исторические изыскания. В Риге он живет уже многие годы, потому что здесь после Ленинграда самые лучшие в стране архивы, что для писателя-историка очень важно. В совершенстве владеет английским (выучил, читая английские газеты, добиваясь понимания каждого слова и оборота). В Дуболты ездит на автобусе, машину не водит из-за плохого зрения.

Когда дошла очередь до меня, он подробно расспросил, кто я, чем занимаюсь, что написал и издал, поговорили о литературной жизни Дальнего Востока, и он обнаружил совершенное знание того, что там происходит. Но главным оселком моего признания явилось творчество Петра Комарова. Мы долго говорили о нем и его последователях, и только после того, как Задорнов убедился, что я по-настоящему знаю и люблю стихи Комарова, что мы, амурчане, с 1986 года проводим ежегодно Комаровские чтения в родных местах поэта, он впустил меня в мир своих знаний. А знал он очень много, — большего знатока истории Дальнего Востока я не встречал и, наверное, не встречу.

Творчество Петра Комарова занимает особое место в поэзии российского Дальнего Востока. И до, и после него были в Приамурье хорошие поэты, но именно он первый утвердил поэтическим словом этот огромный край как неотъемлемую часть России, вписав, таким образом, свое имя в один ряд с именами первооткрывателей Дальнего Востока.

*Ты и здесь мне мила, Россия,
Край суровый мой, край родной.*

И это не декларация. В своих стихах он, наряду с другими собратьями по перу, отразил будни освоения края, которое происходило на его глазах. Но в чем он до сих пор недосыгаем для поэтов-дальневосточников, это в знании и любви к природе края, которую по-настоящему воспел в своих стихах и рассказах.

*Как стих, без единой запинки
Читать наизусть я готов
Всю степь до китайской сарпинки
Ее запоздалых цветов.*

И это правда. А ведь с любви к родной природе начинается любовь к Родине. Его стихотворение «Приамурье» стало гимном родному краю.

*...Я бы ветры вдохнул твои с жаждою,
Я бы выпил ручьи до глотка,
Я тропиночку бы выходил каждую,
Да моя сторона велика.*

*Как посмотришь, не хватит и месяца
Обойти и объехать ее.
Только в песне да в сказке уместится
Приамурье мое.*

Николай Задорнов и Петр Комаров были друзьями. В 1945 году они оба имели удостоверения корреспондентов телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС), что давало им право находиться в действующей армии и получать нужную информацию. Поэтому, как только началась война с Японией, Задорнов сразу оказался в пекле событий. А Комаров остался: был серьезно болен, врачи и жена удерживали его дома.

— Но, как только я пересек границу, — сказал Николай Павлович, — понял, что если Комаров не примет участие в этом походе, то потеряет нечто такое, что потом никогда не восполнит. И я вернулся в Хабаровск, уговорил жену отпустить Петра. Кстати, я тогда совершенно не пил, и она мне поверила и доверила.

Результатом этой поездки стала «Маньчжурская тетрадь», один из лучших циклов стихов Петра Комарова.

*Ты вниз поглядел из окна самолета,
И ты не увидел привычной земли —
Глухие разводья, протоки, болота,
Озера и топи лежали вдали.*

*Глухие разводья, протоки, болота,
Зеленая, желтая, рыжая мгла...
Здесь даже лететь никому неохота,
А как же пехота все это прошла!*

А ведь прошла, да еще как! Заодно разгромила миллионную, вооруженную до зубов, укрепленную, глубоко эшелонированную Квантунскую армию. И все это меньше чем за месяц — 9 августа война началась, а 3 сентября мой отец в Харбине праздновал Победу. (Интересно стихотворение «Харбин», где Петр Комаров первым из наших поэтов задумался о судьбах русской эмиграции в Китае).

В этом цикле П. Комаров проявил себя как истинный художник слова.

*От семи смертей на волоске
Шел и шел солдат через пустыню,
Где лежат с глазницами пустыми
Черепя верблюжьей на песке.*

*Жег лицо монгольский суховей,
От жары обугливались губы,
И, не будь он воином, ему бы
Не уйти от гибели своей.*

Или

*Стень монгольская. Зной. Пески.
 Медного Будды пустые храмы.
 Ламы, ленивые, как быки,
 Быки, медлительные, как ламы.*

Весь цикл пронизан гордостью за подвиг советского солдата-освободителя.

*Китайскую деревню покидая,
 Ты не забудешь, может быть, вовек,
 Что всюду был — от Праги до Китая —
 Желанным гостем русский человек.*

При прощании Николай Павлович спросил:

— Что подарить тебе на память — «Амур-батюшку» или «Гонконг»?

— Конечно, «Амур-батюшку».

В этот вечер мы долго ходили вдоль берега моря. «Спрашивай, что хочешь». Я спрашивал, он отвечал. Напоследок я спросил:

— Николай Павлович, вот то, что мы отдали просто так Порт-Артур и Порт-Дальний, это что, наша глупость или как?

— Знаешь что, — ответил он, — глупость была тогда, когда мы заняли эти бухты, а то, что вовремя и по-хорошему ушли, это умно поступили. Все, что угодно, можно друг у друга брать и отдавать, кроме земли. Это всегда повод для ссоры, и сколько бы времени ни прошло, земля все равно достанется тому, кому исторически принадлежит. Вот, к примеру, Выборг. Отдали мы его после революции финнам, и что из этого вышло потом — финская война. К нашему Дальнему Востоку это не относится — там до нас никогда не было государственности, а те народы, которые жили там, живут и теперь и пользуются льготами. Что до этих двух китайских бухт, их впервые нанесли на карту англичане. Капитана одного из кораблей звали Артур, вот и появился Порт-Артур. Но в конце девятнадцатого столетия их захватили японцы. Тогда три великие морские державы — Англия, Испания и Голландия — предъявили им ультиматум: либо вы сами по-хорошему уйдете, либо мы вас вытряхнем отсюда. Японцы скрепя сердце ушли. Но в это время мы стали строить китайско-восточную железную дорогу (КВЖД). Дошли до реки Сунгари, заложили поселок мостостроителей, который потом перерос в город Харбин. Оттуда основная дорога пошла на Владивосток. Но тут кое у кого возникла идея провести ветку на Ляодунский полуостров и захватить эти бухты. Умные люди отговаривали царя от этой затеи, но возобладали другие силы, ветка была проведена, и бухты захвачены. Вот этого японцы вынести не могли. Это и явилось истинной причиной Русско-японской войны 1904-05 годов. Поражение России в этой войне ускорило первую русскую революцию, первая породила вторую, вторая — третью. Вот такая история...

Прошло четыре года. Китайские поэты провинции Ляонин во главе с Сяо Фаном привезли нас в Далянь (Порт Дальний). Огляделся я вокруг: на главной площади города стоит памятник советскому солдату, главная улица — проспект Сталина, тут — кладбище первой войны, там — второй, в городе — свободная экономическая зона, где заправляли в основном японцы. Вспомнились слова Николая Павловича Задорнова, и в результате родилось стихотворение «Далянь», которое понравилось китайцам, они его перевели и опубликовали в шэньянском журнале «Стихи».

*...И хорошо под мирным солнцем,
 Не помня зла, общаться здесь*

*И россиянам, и японцам,
Когда хозяин истый есть,
Который встретит и приветит,
И даже вырастит цветы,
Чтобы врагов вчерашних дети,
Сейчас живущие на свете,
Могли их нашим принести.*

Задорнов пережил своего друга Комарова более чем на сорок лет. Сейчас на набережной в Хабаровске стоит памятник певцу Дальнего Востока прозаику Николаю Задорнову. Как не хватает в Благовещенске памятника поэту Петру Комарову! Вот так и смотрели бы они друг на друга — один с правого берега Амура-батюшки, другой — с левого. Может, когда-нибудь так и будет.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ БОГАТЫРЬ

Ранней весной 1981 года мы с журналистом Сашей Филоненко на небольшом самолете местных авиалиний прилетели из Благовещенска в Ново-Бурейск. Туда же приехала большая группа писателей из Хабаровска. В числе их были поэт, прозаик, главный редактор журнала «Дальний Восток» Николай Наволочкин, нанайский поэт Андрей Пассар, редактор Хабаровского книжного издательства Любовь Овечкина и особенно выделялся своей исконно русской богатырской внешностью писатель, охотовед, краевед Всеволод Петрович Сысоев. Мы собрались, чтобы съездить в Талакан, посмотреть на начало строительства Бурейской ГЭС.

Встретил и привез туда гостей первый секретарь райкома КПСС. Он высадил нас на пустыре и сказал: «Товарищи, вы находитесь на дне будущего моря». Ощущение было настолько необычным, что вскоре я написал:

*И вдруг припомнилось такое,
Что сердце екнуло слегка:
«Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака».*

*Какими верными словами
И мне сказать тебе о том,
Что, пролетев над облаками,
Стою теперь на дне морском.*

Никакой ГЭС пока не было, шли подготовительные работы: расчищалась стройплощадка, подвозились строительные материалы. Был построен поселок гидростроителей. Пока он имел временный дощатый вид, но по вывескам, порой затейливым, можно было понять, где школа, где детский сад, где магазин, как мы узнали в первый же вечер, безо всякой вывески, на втором этаже деревянного дома находился «греческий зал» для приема гостей всех рангов.

Разместившись в общежитии и совершив экскурсию по поселку и строительным объектам, вечером мы поднялись по крутой лестнице и вошли в этот самый зал, где нас встретил начальник «Зеягэсстроя» Герой Социалистического Труда Алексей Михайлович Шохин вместе со своим талаканским наследником Петром Алексеевичем (прямо как в династии Романовых). Прием проходил на высоком

уровне. Столы изобиловали яствами, напитки разливали официантки, обученные по высшему классу (рюмка ни одной минуты не ощущала пустоту).

Возглавил застолье Шохин. В то время после успешного завершения строительства Зейской ГЭС он получил золотую звезду Героя. Алексей Михайлович только что вернулся из поездки в США, что по тем временам было событием исключительным. Поприветствовав нас на бурейской земле и выслушав встречный тост во славу дальневосточной гидроэнергетики, он рассказал о своем путешествии за океан. Не обременяя наше внимание профессиональными подробностями, поделился общими впечатлениями об увиденном в Америке и завершил свой рассказ так:

— Мы прилетели туда втроем. Встречал, сопровождал и был нашим гидом во время всей поездки по стране гидростроитель нашего ранга. В завершение вояжа мы приехали в его родной город. У американцев не принято приглашать гостей к себе домой, но он пригласил нас, сказав, что его семья очень хочет познакомиться с нами. Мы приехали вечером с переводчицей. Хозяин радушно встретил нас, познакомил с матерью, женой, детьми. Дети продемонстрировали свои физкультурные достижения и удалились, а мы, семеро взрослых людей, остались и провели весь вечер вместе. Чтобы подчеркнуть неординарность встречи и сделать нам приятное, хозяин выставил на стол графинчик русской водки. В течение застолья мы все прикладывались к нему и в конце концов опустошили. Ночевать уехали в гостиницу. А утром приехал наш американский коллега и радостно сообщил, что мы на его семью произвели самое хорошее впечатление.

— Они никогда не видели раньше русских и представляли вас совершенно другими. Вы развеяли наши сомнения в лучшую сторону. Особенно в восторге мать. Прекрасные люди, говорит, но как пьют!

На следующий день мы вернулись в Ново-Бурейск и разъехались в разные стороны. Но эта встреча послужила началом нашей дружбы с Всеволодом Петровичем Сысоевым. Мы виделись после этого всего один раз в Хабаровске, а ощущение такое, будто прожили вместе многие годы. Обменивались книгами, письмами. Книга за книгой, страница за страницей, письмо за письмом — я все более узнавал его и попадал под обаяние этого человека. В том году он отметил свое семидесятилетие, но мне и в голову не приходило назвать его старцем, ибо в этом могучем седобородом богатыре жил любознательный юноша и настоящий русский интеллигент.

Теперь, когда пришла пора рассказать о нем, после нескольких неудачных попыток я окончательно убедился, что никто не сделает этого лучше, чем он сам. Предлагаю читателю несколько его писем с небольшими сокращениями и пояснениями. Сокращения касаются, главным образом, оценок моих стихов. Так, почти каждое письмо предварялось эпиграфом кого-либо из классиков и вслед за ним — несколько строк из моего стихотворения. Ну как тут было не вдохновиться на новые литературные дерзания и подвиги?!

Первое письмо я получил вскоре по приезде домой из Талакана.
«Дорогой друг души моей, милый Олег Константинович! Благодарю тебя за твою книгу... “Я слушаю тебя и сердцем молодею...” Из всей этой бурейской одиссеи в мою душу запало два образа: ты и Шохин. Интересно посмотреть его в деле, когда, сойдя с пьедестала славы и известности, он обнажает свою душу.

Слушал я тебя на прощальном ужине и вспоминал лермонтовское: “Восстал он против мнений света, один, как прежде...”

Дорогой ты мой Олег! Улучшать нравственность нашего общества мы обязаны, но боже сохрани нас от критической мысли! Мы должны создавать красоту. Ведь прекрасное — лучшее оружие в борьбе со злом. Вспомни об Арсеньеве: ведь

своим «Дерсу Узала» он способствовал заселению Дальнего Востока больше, чем все переселенческое управление царской России. Я высоко ценю твое поэтическое дарование и хотел бы его сберечь от всех аллилуйствующих ортодоксов. Помни, что превосходство никогда не сносит окружающая посредственность. Мы любим преданных людей, но А. К. Толстой сказал: «Преданный человек равняется пробке: он охотно затыкает всякое отверстие».

Шлю тебе свою последнюю книжку. Читай, когда мучает бессонница — великолепно помогает.

Да хранит тебя муза!

Твой Всеволод».

Комментарии, как говорится, излишни — все сказано. И все-таки спустя более четверти века все больше убеждаешься в правоте этого мудрого человека. Особенно теперь, когда негатив заполонил экраны телевидения и страницы периодики, так не хватает благотворного слова разума, добра и красоты. А ведь без него нам никогда не выбраться из мрака злобы и вражды. Добро и любовь изначально заложены в каждом человеке и нуждаются только в развитии путем воспитания и общения, где средства массовой информации играют не последнюю роль. Разумеется, не обойти молчанием террор, насилие, коррупцию и другие несчастья нашей жизни, но не они должны стоять на первом плане и заслонять собой лучшее, к чему стремится человек.

Впервые прочитав письмо, я усомнился в правильности оценки такого качества человека, как преданность. Воспитанный на уставах комсомола и партии и искренне присягнувший на верность их идеалам, я считал изменой всякое отступничество от данных клятв и обещаний. Но вот пришла гласность в 80-х, а за ней и 90-е, когда рухнул «Союз нерушимый», и спираль российской истории стала стремительно раскручиваться в обратную сторону. На глазах у всех, в одночасье, без сопротивления прекратила существование двадцатимиллионная правящая Партия, что означало ее естественную историческую смерть. Все граждане Союза, особенно члены КПСС, болезненно восприняли этот распад. И в оценке происходящего четко разделились на две группы: думающих и преданных. Первые восприняли этот общественный катаклизм как историческую реальность и стали мучительно искать причины случившегося. Вторые, не желая поступаться принципами, всю историю случившегося свели к проискам отдельных личностей, образовали партию реванша и по-прежнему верны Уставу и Присяге. Чья позиция верна — рассудит время...

А книга, о которой Всеволод Петрович написал в конце письма, называется «Путешествие по музею». Но об этом чуть позже.

В апреле 1981 года Всеволод Петрович поздравил меня с принятием в Союз писателей СССР. «Поздравляю тебя с вступлением в славный «орден рыцарей Золотого Пера!» И тут же процитировал классика: «“В России нельзя быть не дворянином: лошадей на станции не получишь”. А поэзия, как сказал поэт, — это езда в неизвестное».

Что верно, то верно. Членство в СП ко многому обязывало, но и открывало двери в издательства, дома творчества и многие ранее недоступные служебные кабинеты.

Но вслед за поздравлениями он, как добрый наставник, тотчас перешел к делу. «Хочу обратить твое внимание на три исторические темы, достойные воспевания, и одну тему о природе нашего края.

В семнадцатом веке русские люди совершили величайший подвиг, открыв и фактически присоединив Дальний Восток к России. Историки-ученые, поэты и прозаики в большом долгу перед первыми землепроходцами — В. Поярковым и Е. Хабаровым.

Г. Невельской и его жена Катя совершили второй великий подвиг в научном исследовании и юридически присоединили ДВ край к России. Ему поставлены памятники, о нем написаны романы, но поэтами он еще не воспет должным образом.

Н. Н. Муравьев-Амурский — герой Амурской эпопеи, мы дурно обошлись с памятью о нем.

И, наконец, природа нашего края! Как терпеливо ждет она своего поэта! Как много в ней неповторимого, очаровательно-притягательного! Созвучного нашей русской натуре!

Ты жалуешься на недостаток образования литературного, полагая, что это для тебя беда. Нет, дорогой мой, это счастье, что ты не засорил свою душу нудными канонами литературоведческих схимников и толкователей законов стихосложения. Быть широко образованным — нужно. Больше того, надо стать философом. Ведь ты — разведчик будущего. Помнишь, как Тютчев говорит о поэзии:

*...Среди клокочущих страстей,
В стихийном пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам
С лазурной ясностью во взоре.*

Ни Есенин, ни Лермонтов, ни Кольцов не тяготились тем, что не кончали литинститутов.

Милый Олег! Не сочти мысли мои за поучения. Я делюсь с тобой ими в надежде на дружеский спор, на то, что ты развеешь мои заблуждения.

Ты усиленно трудишься, а я отдыхаю от безделья и часто вспоминаю тебя.

Да хранит муза его! — молюсь я и мысленно крепко обнимаю тебя — дорогой друг души моей!

Всеволод Сысоев.

11 апреля 1981 год, г. Хабаровск».

Так, по-отечески ненавязчиво Всеволод Петрович вводил меня в круг своих творческих интересов, стремясь сделать своим сподвижником.

В предисловии к «Путешествию по музею» он писал: «Ровно 20 лет назад я вошел в кабинет директора Хабаровского краеведческого музея в сопровождении хранителя фондов.

— Всеволод Петрович, — торжественно произнес он, — оцените по достоинству: вы будете работать за столом Владимира Клавдиевича Арсеньева».

Он оценил высоко эту честь и именно он, В. П. Сысоев, стал достойным преемником Арсеньева во всех ипостасях.

Будучи по специальности биологом-охотоведом, он в неменьшей степени стал и ученым-краеведом. Именно благодаря стараниям его и Н. П. Задорнова труды Г. И. Невельского предстали перед потомками как подвиг и увековечены в памятнике.

«В августе 1971 года я снова приехал на Петровскую косу, чтобы установить памятник Амурской экспедиции. Со мной были скульптор Виктор Джунь — автор памятника, студенты Хабаровского пединститута и местные старожилы... Памятник, поднявшийся на берегу залива Счастья представлял собой четырехгранный бетонный монолит, по форме напоминающий морской кнехт. На одной из его сторон — барельеф Г. И. Невельского, на другой — мемориальная доска с надписью: «Здесь 29 июня 1850 года капитан Геннадий Иванович Невельской основал первое зимовье Амурской экспедиции, назвав его Петровским. В нем жили участники экспедиции, жена Невельского Екатерина Ивановна и дочь Катя».

Первенец Г. И. Невельского — шестимесячная Катенька умерла от цинги на берегу залива Счастья, названного так Невельским. И хотя на Петровской косе отважному капитану пришлось пережить немало горьких дней, он смог осуществить дело всей своей жизни и, подняв государственный флаг России в Амурском лимане, на Сахалине, в заливе Де-Кастри и Императорской гавани, исполнить долг патриота».

С памятью о Н. Н. Муравьеве-Амурском поначалу действительно обошлись дурно: в Хабаровске снесли памятник, переименовали в Благовещенске и Хабаровске улицы его имени. А ведь именно Муравьев-Амурский был руководителем и душой Амурской эпопеи. Им же в 1858 году был подписан Айгуньский договор о возвращении Дальнего Востока России. Но теперь чаяния Всеволода Петровича понемногу сбываются. Прах Н. Н. Муравьева-Амурского привезен из Франции на Родину и перезахоронен во Владивостоке. В Благовещенске, основателем которого он является, на набережной Амура он, отлитый в металле, стоит в полный рост. (Автор памятника Николай Карнабеда). Имя Н. Н. Муравьева-Амурского носит Амурская областная библиотека, первые фонды которой состояли из личных дарственных книг генерал-губернатора Восточной Сибири. Памятник ему восстановлен и в Хабаровске, его имя носит центральная улица города.

Но в чем я не знаю равных В. П. Сысоеву, так это в любви к дальневосточной природе. Так любить и знать ее может только истинный натуралист, для которого она и храм, и главное поле деятельности. Уже само название книг — «Пушные богатства советского Дальнего Востока», «Тигроловы», «По медвежьим следам», «Удивительные звери», «В северных джунглях» и другие — говорят сами за себя. А с какой любовью и знанием нрава, характера и повадок — от громадного лося и «золотой» тигрицы Ригмы до самого крохотного зверька он описывает жизнь обитателей «северных джунглей»!

Многие неповторимые достопримечательности дальневосточной природы — ствол полуторатысячелетнего тиса, дупло-берлога гималайского медведя, сцена борьбы медведя с тигром — были запечатлены в экспозициях возглавляемого им музея, за что в начале 60-х он получил звание «Лучший музей РСФСР». Пополнил Всеволод Петрович уникальными экспонатами не только все дальневосточные, но и многие столичные музеи.

Но, будучи биологом-охотоведом, он не только исследовал, но и обогащал дальневосточную фауну. Он обосновал целесообразность акклиматизации речного бобра и успешно расселил его в Приамурье. Расселил в новых местах норку, соболя, ондатру. В 1947 году В. П. Сысоев внес проект закона об охране амурского тигра, который был утвержден Хабаровским крайисполкомом.

Таков далеко не полный перечень его добрых дел на благо ставшего ему родным края.

Отвечая на это письмо, я спросил мнение Всеволода Петровича о личности В. Пояркова. Дело в том, что незадолго до этого я прочитал роман Вс. Н. Иванова «Черные люди», где Поярков выведен как антипод Хабарова. Следующее письмо В. П. начал именно с этого.

«Василий Поярков был могучий телом и твердый духом человек. Образованный по тому времени атаман отличался дальновидностью, мудростью, железной выдержкой и отвагой.

А как писать умел!

“Те землицы людны и хлебны и собольны и всякого зверя много, и хлеба родится много, и те реки рыбны, и государевым ратным людям той землице хлебной скудности ни в чем не будет”.

Он был первооткрывателем Амура. Ему памятник ставить надо!

Вс. Н. Иванов, которого я любил, в оценке Пояркова впал в непростительную ошибку, исказив черты обаятельного вожака казачьей вольницы... И пусть не смущает тебя то, что один из есаулов Пояркова — Петров, вопреки запрета атаманова, пошарпал дауров и был за то ими побит. Поярков в этом не виновен. История всегда оставляет кровавые следы!»

А далее мой старший друг так отреагировал на мое стремление получить филологическое образование.

«Я не нахожу нужным получать тебе специальное литературное образование. Ты доктор — этого вполне достаточно. Садись и перечитывай, прежде всего, русских классиков.

1. Всех трех Толстых (полностью).
2. Пушкина, Лермонтова, Гоголя (полностью).
3. Куприна, Мельникова-Печерского, Чехова (полностью).
4. Достоевского, Гончарова, Лескова, Шишкова, Маяковского, Есенина (выборочно).
5. Читай: Витте «Воспоминания» 2-томник, А. Ф. Кони «Избранные произведения».
6. А. Степанов «Порт-Артур».
7. Г. Невельской «Подвиги русских офицеров».
8. Н. Пржевальский «Путешествия по уссурийскому краю».
9. Н. И. Вавилов «Пять континентов».
10. А. И. Герцен «Письма об изучении природы».
11. Г. Плеханов «Об искусстве».
12. Сетон-Томсон «Жизнь животных».
13. Лонгфелло «Песнь о Гаявате».
14. Е. Окладников — все, что он написал о нашем крае.
15. Лантери «Сочинения».
16. Ф. Беккон* «Сочинения».

Когда ты все это прочитаешь, садись за Белинского, Стасова, Энгельса, и ты почувствуешь, что Пушкин был прав, восклицая: «Под стол ученых дураков, мы сами пить умеем!»

Дениса Давыдова, Веневитинова, Ершова, Тютчева да Кольцова не забывай, а у Байрона хватит и одного «Дон Жуана».

Ты хочешь иметь компас, но ведь и компасы под Курском врут. Не компас, а хорошенькую воодушевительницу надо иметь! Нарзан пить, ходить да глядеть! Крепко обнимаю тебя — Всеволод».

Специально привел список всей рекомендуемой литературы, чтобы каждый мог по достоинству оценить ее охват и разнообразие. Задание едва ли выполнимое за всю оставшуюся жизнь. Но ведь чтобы это посоветовать, надо было самому все прочитать! Когда? Хотя за плечами семь десятков лет, большая часть времени из них проведена в таежных странствиях, да и в городе всегда забот было по горло.

В начале 60-х главный редактор журнала «Охота и охотничье хозяйство» О. Гусев писал о нем: «За 20 лет издается 12 книг, не считая четырех значительно переработанных и дополненных изданий «Охоты в Хабаровском крае»! Невольно спрашиваешь себя: когда же создавались эти книги, если всю жизнь Всеволод Петрович был занят на службе, не дававшей почти никакой возможности писать в рабочее время? Ответ может быть только один: он писал свои книги в те дни и часы, когда громадное большинство людей отдыхают — по вечерам и ночам, во время отпуска, по праздничным и выходным дням».

То же следует сказать, заменив слово «писал» на «читал».

* Фрэнсис Бэкон — ред.

Прекрасный ответ тем и, в первую очередь, автору этих строк на извечный вопрос: где взять время для свершения добрых дел?

Настрой следующего письма предваряли строки очень любимого им Ф. Тютчева:

*Но Смерть честней — чужда лицепрятью,
Не тронута ничем, не смущена,
Смиренную иль ропщущую братью —
Своей косою равняет всех она.*

*Свет не таков: борьбы, разноголосья —
Ревнивый властелин — не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает вон.*

...Я начал остывать к литературной деятельности. Обюрократившиеся издательства держатся высокомерно, изматывают нас грешных своими планами, недоверием, неуважением. У нас перевелся хороший редактор.

Меня угнетает оскудение смелой революционной мысли, издательский застой, глумление над классикой и всем светлым и возвышенным. Наше национальное искусство вырождается. Какая-то дьявольская сила разрушает русскую культуру.

Какой-то злой дурак даже предложил новое слово — дикорос вместо дикорастущий. Были на Руси малороссы, белорусы, великороссы, а теперь появились дикоросы!

...Посылаю тебе переиздание своих рассказов, выпущенное к моему семидесятилетию, в котором редактор удосужился слово «берлога» заменить словом «нора» — видать он из норных животных.

Вроде бы это не политика, но, когда трагедия, одним словом, оборачивается комедией — это и есть глумление».

Тему эту он продолжил и в следующем письме.

«...От нашей славной писательской организации отхожу: уж больно кусаются наши литературные пудели, невтерпеж.

“Кому бог уготовил голодную смерть, того да не спасет самонадеянно человек на свою же собственную гибель”, — писал Марк Твен.

Эту парадоксальную истину я отверг и сейчас расплачиваюсь своим здоровьем за это.

Желаю тебе вдохновения.

Всегда твой Всеволод».

Что это — извечное стариковское ворчание на молодежь или просто дурное настроение в связи с нездоровьем? Ведь книга-то переиздана. Так-то оно так, но за всем этим чувствуется, сколько крови и нервов испортило автору это переиздание из-за казенного, неуважительного отношения издателей. А за приведенной цитатой из Марка Твена явно проступает и горькая обида на чью-то черную неблагодарность.

Да, со временем все обновляется — люди, книги, язык... Но новое всегда вырастает из старого, и отношение к этому старому должно быть сыновнее, бережное. Ведь можно было переиздать эту книгу так, чтобы автору захотелось еще писать и издаваться. Можно было, да не вышло.

Одно из последующих писем Всеволод Петрович начал с того, что по-отечески поругал меня: «Ты... просишь написать «что-нибудь». Нет, что-нибудь о погоде, о

ценах на базаре писать не буду, да и тебя прошу не писать мне без единой поэтической строки! Ведь я так жду их, подхватываю и выпускаю их как птицу вдаль».

И далее продолжил свои рассуждения о литературе. «...Эти сенаторы от литературы не хотят соглашаться, “что у искусства собственная, цельная, органическая жизнь”. Они полагают, “что вдохновение у всякого в кармане по первому востребованию, что оно может служить кому-то и чему-то”.

А сколько развелось чиновников от литературы! Неужели они не тяготеют над тобой? Мне кажется, что ты спасаешься тем, что несешь людям облегчение в их страданиях и сеешь разумное, доброе, вечное.

А я готовлюсь к бесконечной вечной жизни и все чаще и чаще читаю Тропаря:

*Какая сладость в жизни сей
Земной печали непричастна?
Чье ожиданье не напрасно?
И где счастливый меж людей?
Все то превратно, все ничтожно,
Что мы с трудом приобрели —
Какая слава на земли
Стоит тверда и непреложна?*

Вот если ты ответишь на эти вопросы, я готов поддерживать переписку с тобой, друг мой!

Крепко обнимаю, твой Всеволод».

Каждое новое поколение получает эти вопросы от уходящего и всей своей жизнью пытается ответить на каждый поставленный вопрос. А затем повторяется то же — и так из рода в род.

Прав мой старший друг и в том, что основная моя врачебная работа спасала меня от издательских дрызг, а периферийная жизнь облегчала издание книг. Так было и с ним, пока он работал в музее и путешествовал по таежным дебрям. Но тяжкая пора — старость с ее недугами, отлучением от любимого дела. А тут еще хамство и неуважение молодого племени.

В конце 1989 года я отправил Всеволоду Петровичу свой новый сборник стихов «Лицом к лицу». На стихотворение о первой влюбленности «в мои ребячьи девять лет» он откликнулся так: «С умилением читал я: “...Я прозябал, увы, лишь в третьем, а ты была уже в шестом”.

*Есть много общего меж нами —
Пылал я страстью к взрослой даме,
Когда мне было десять лет.
Теперь подобен стал Мазепе —
Косички девичьи люблю,
А старых женщин не терплю».*

На стихотворение «Весна в Приамурье», где есть такие строки

*...А ведь горы сдвигали, дерзая,
И твердили везде, где могли
О щедротах любимого края,
Да любовь на слова извели...*

ответ был таков:

*Не суди же, Олег, меня строго,
 Что любовь на слова де извел,
 Ведь зверья я завез в край наш много!
 И бобра в Приамурье завел!
 И когда будешь петь свои песни,
 Помяни и меня, милый мой!
 Что де жил на Амуре охотник,
 Медвежатник, бродяга такой!*

Последнее послание он написал мне сразу после развала СССР. Привожу его полностью.

*Олег! Ты помнишь Бурею
 И речь невнятную свою?
 С тобой тогда мы лихо пили,
 С десятков стопок осушили,
 Потом запели, славя век —
 В Союзе вольный человек!
 Теперь скажи мне поскорей —
 Союз иль Русь тебе милей?
 С Новым годом тебя!
 И да хранит тебя Бог!*

Обнимаю, твой Всеволод Сысоев.

31 декабря 1991 г.

г. Хабаровск.

На этом наша переписка как-то сама собой прекратилась. И вот, пережив еще один крутой поворот нашей российской истории, через 15 лет с другого конца света 24 ноября 2006 года я набрал его хабаровский телефонный номер с намереньем поздравить с 95-летием и, к обоюдной нашей радости, услышал его голос: «Олег, ты где? Я слышал, ты где-то в Европе...» «Да нет, Всеволод Петрович, по-прежнему в Азии, только не на Дальнем, а на Ближнем Востоке».

А месяц спустя получил открытку с таким дорогим и навсегда памятным обращением: «Дорогой друг души моей Олег! Рад поздравить тебя с наступившим Новым годом...» Текст открытки был не написан от руки, а напечатан. Вскоре выяснилось почему. Полученное из Хабаровска обстоятельное письмо начиналось так: «Не пугайтесь, что пишет Вам не Всеволод Петрович, а его дочь Ольга. Он жив, относительно здоров, но почти лишился зрения. Поэтому попросил меня написать Вам». Далее Ольга Всеволодовна сообщила, что к 95-летию была издана книга «Записки хабаровского краеведа» и снят фильм «По следу Золотой Ригмы». «Временами папе становится легче, и он начинает перебирать свои бумаги, задумал еще одну книжку, продолжение «Записок краеведа». Общественными делами тоже занят довольно плотно: то казакам помогает, то молодым писателям, то в Совете почетных граждан Хабаровска в чем-то участвует. Так что и мэрию, и правительство края частенько беспокоит со всякими проблемами».

Жизнь продолжается. Не за горами уже и вековой юбилей Всеволода Петровича Сысоева. Поддерживаем телефонную связь, и всякий раз ощущение такое, будто побывал рядом с этим удивительным человеком. Завершить же свои воспоминания хочется напутствием Всеволода Петровича всем нам.

«Натуралисты — исследователи звериного царства — убедительно доказали, что все звери уступают дорогу человеку и убивать их в целях самозащиты нет нуж-

ды. ... Наступил век охраны животных, дружбы с ними. Это, конечно, не значит, что мы откажемся от регулирования числа хищников, отстрела престарелых особей. ... Преступно губить живые памятники природы, да еще и гордиться этим, возводя безрассудство в ранг удали. Хорошая фотография намного ценнее убитого зверя...»

Многие звери были не только сохранены, но и расселены на пространствах Приамурья усердием Всеволода Петровича, а речной бобер своим новосельем обязан исключительно ему. Убежден: те, кто прочитал его книги «Удивительные звери», «Золотая Ригма» никогда не поднимут ружье на этих наших братьев меньших просто так, ради интереса.

Где-то с помощью врачей, а в основном своей могучей натурой, одолевая возрастные недуги, живет на Амуре этот удивительный человек. Судьба занесла меня далеко от него — с Дальнего Востока на Ближний. Но и здесь бережно храню его книги и мечтаю как о чуде получить письмо, которое начнется словами «Дорогой друг души моей!», а закончится — «Да хранит тебя Муза!»

ВОПРОС БЕЗ ОТВЕТА

Владимир Колыхалов рассказывал:

— Когда я учился на высших литературных курсах в литинституте, нам время от времени устраивали встречи с маститыми литераторами. Однажды привели грузинского поэта, который перевел на родной язык лермонтовского «Демона». Мы выслушали его пространное выступление и, из-за невозможности прочесть новоиспеченное творение, приняли его как факт и не более. Но в нашей группе был армянин, который знал грузинский язык и прочитал перевод. Когда дело дошло до вопросов, он встал и спросил:

— Вот у Лермонтова в поэме есть такие строки «Недолго продолжался бой, бежали робкие грузины», а в вашем переводе «Бежали робкие армяне». Скажите, пожалуйста, почему так?

Автор перевода уставился на вопрошающего долгим тяжелым взглядом, побагровел, вытянул вперед правую руку, сделал ею резкий властный жест книзу и гневно произнес:

— Садысь, шовенист!

И не стал отвечать.

